

Чалмаев В.А.

История создания «Тихого Дона»

История создания «Тихого Дона» — это одновременно история становления великого художника. Шолохов не просто вводил множество новых фактов (прежде всего грандиозный факт восстания — протеста казаков против террора в отношении казачества, проводимого Троцким в 1919 году), но и осваивал жанр эпопеи (впервые после «Войны и мира» Толстого).

Эпос — это повествование, которое воспроизводит эпоху в ее целостности, «непринужденно свободно, осваивая реальность во времени и пространстве», «обволакивая высказывания действующих лиц — их диалоги и монологи, в том числе внутренние, с ними активно взаимодействуя, их поясняя» (В. Хализев. «Теория литературы»). Но эпос — это одновременно и величественное состояние души повествователя, чаще всего невесомого, бесплотного, но вездесущего, всезнающего, всеведущего, помнящего о первоосновах бытия, о вечных драмах эпохи, универсальных конфликтах.

Шолохов убеждал все общество в необходимости и одновременно глубочайшем трагизме революции, опасности раскола народа на враждующие группы.

Роман, с самого начала имевший скорбно-величавое название «Тихий Дон» (название «Донщина» относится к совершенно иной, ненаписанной повести о казаках-большевиках Подтелкове и Кривошлыкове), Шолохов создавал с осени 1925 года. В отрывке, датированном 1925 годом, «Осень», обнаруженном журналистом Л. Колодным (20 стр. текста), главный герой назван Абрамом Ермаковым (еще не Григорием Мелеховым) и действие начинается с отказа казаков идти на Петербург с генералом Корниловым летом 1917 года. Эта новейшая находка полностью подтверждает прежнее объяснение 1937 года Шолоховым своего замысла:

«Привлекала задача показать казачество в революции. Начал я с участия казачества в походе Корнилова на Петроград... Донские казаки были в этом походе в составе третьего казачьего корпуса... Начал с этого... Написал листов 5–6 печатных. Когда написал, почувствовал, что не то... Для читателя останется непонятным — почему казачество приняло участие в подавлении революции. Что это за казак? Что за область Войска Донского?»

Эпопея начиналась фактически с нынешней второй книги, без предыстории. А затем — уже от нее — действие то отодвигалось назад, в 1914 год, в хутор Татарский, в дом семьи Мелеховых и их соседей, то продвигалось вперед, к событиям 1917–1919 годов. Характерно, что эпопея и начиналась дважды — в 1925 и в 1926 году, что породило затем известные трудности совмещения, сопряжения первой книги (это, в сущности, еще любовный роман, борьба в треугольнике Григорий — Аксинья — Степан Астахов) и второй, историко-революционной, посвященной корниловскому мятежу.

Шолохов созидал роман, но и роман... созидал Шолохова!

О мужестве и благородстве писателя (по отношению к людям, помогавшим ему) говорит простой факт: реальный казак Харлампый Ермаков, участник восстания против троцкистского расказачивания в середине 20-х годов, жил уже под угрозой ареста. Попросту говоря, на него, якобы «душегуба», писали доносы члены семей, где были погибшие красные казаки. Они требовали казни, грозили ему точно так же, как Михаил Кошевой в «Тихом Доне» грозит Григорию Мелехову даже после его возвращения из Первой Конной. Шолохов не хотел привлекать к Ермакову особого внимания (произошла замена Абрама Ермакова на Григория Мелехова). Он продолжил, судя по письму к Ермакову (весна 1926 года), общение с ним, получал «дополнительные сведения относительно эпохи 1919 г.». Это общение с обвиненным и вскоре расстрелянным человеком требовало

большого мужества: судьба реального погибшего Ермакова наложила особый трагический отсвет и на финальные скитания живого Григория Мелехова.

Первая часть романа — описание двора, семьи Мелеховых, история замужества Аксиньи (она часто называлась Анисьей), приезд хорунжего Мануйлова (будущий Евгений Листницкий), первая ссора Григория с отцом из-за Аксиньи, наконец, сватовство к Наталье и др. — была создана, как справедливо заметил Л. Колодный, в режиме «бури и натиска» в ноябре 1926 года. Есть в этом черновике расхождения с каноническим текстом романа. Так, отец Григория еще зовется Иваном Семеновичем, а не Пантелеем Прокофьевичем, семья Коршуновых живет еще где-то вне хутора, на отшибе. Не назван Татарским и сам хутор. Но уже прочерчена линия, уводящая соперников, Григория и Степана Астахова, в 1914 год, на поля Восточной Пруссии.

Какие сложности, судя по сохранившейся, найденной в доме В. Кудашева в 1999 году рукописи 1–2 томов «Тихого Дона», преодолел Шолохов?

«Тихий Дон» традиционно сравнивают с «Войной и миром» Толстого, но некоторые литературоведы отмечают — нередко явно нарочито, недоброжелательно! — что у Шолохова нет «четкой социальной вертикали, выхода на вершины власти», нет своих Александра и Багратиона. Вообще, это эпос «не интеллектуальный, а низовой, почвенный, наивный». «Никакого соответствия паре “Наполеон и Кутузов” в “Тихом Доне” нет... Верхушечная история гораздо резче отделена от истории народной».

Но нельзя измерять творческий подвиг Шолохова старыми мерками. Современное понимание духовности, интеллектуализма включает такой аспект, как сбережение жизни на земле, народосбережение. И не только «верхушечная история», вертикали власти, те или иные пары властителей имеют значение для эпопеи, но и огромные массы простого народа не лишены цельного, глубокого, эпического взгляда на события.

Только ли семья собрана под крышей дома Мелеховых?

Знаменитое начало «Тихого Дона» давалось писателю весьма трудно. Видимо, писателю сразу хотелось связать воедино и дом, и историю, связать «мировые потрясения и горе одного двора» (Вас. Федоров). Не просто одна семья собрана здесь, а, кажется, нечто большее. В окончательном варианте романа это сопряжение дома и движущейся реки времени удалось:

«Мелеховский двор — на самом краю хутора. Воротца со скотиньего база ведут на север, к Дону. Крутой, восьмисажженный спуск меж замшелых в прозелени меловых глыб, и вот берег: перламутровая россыпь ракушек, серая изломистая кайма нацелованной волнами гальки, и дальше — перекипающее под ветром вороненой сталью стремя Дона».

Резко, смело выдвинут вперед, чтобы не затерялся среди домов и улиц хутора Татарского, двор Мелеховых. Сразу обозначено, что он ближе всех к стремнине, к самому быстрому и опасному, суровому, стальному течению Дона, к бурлящей стихии истории. Дом Мелеховых к тому же и над обрывом, над крутым спуском к Дону...

Анализ рукописи показывает, что вначале не было ключевого образа — ни стремени Дона, ни вороненой стали (была «рябь»). Не было и трогательного, контрастирующего с этой холодной «вороненой сталью» глубины, сердцевины Дона, образа мелководья у берегов, мягкого прибоя, «нацелованной волнами гальки».

Великий романист, как композитор-симфонист, безусловно, всегда слышит сразу весь роман, в начале для него всегда просвечивает финал. Ведь Толстой сразу увидел всю трагическую судьбу, гибель Хаджи-Мурата... в смятом упрямом придорожном кустарнике, в «татарнике». А эпический живописец Суриков увидел свою пламенную раскольницу, боярыню Морозову... в черной вороне на снегу.

Дом Мелеховых в финале предстанет разрушенным, переполненным тенями ушедших из жизни обитателей — Пантелея Прокофьевича, Ильиничны, Натальи, Дарьи, Петра и даже малолетней Полюшки. И это видел Шолохов, начиная свое повествование. В этом

доме у стремнины была собрана если не вся Россия, то по крайней мере — целый уклад ее былой жизни, множество верований, идей, правд, жизненных норм, которыми жил народ.

Анна Ахматова на склоне лет скажет о подобном состоянии:

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит...

Михаил Шолохов писал не бессильный надгробный псалом. Собственно, весь «Тихий Дон» — это испытание сокровенных надежд, верований, устоев жизни многих людей в противоборстве с «веком-волкодавом».

Свой «диалог с историей» — и весьма драматичный, порой трагический, часто с оружием в руках, опираясь на свой (и не только свой, а семейно-родовой) опыт, — ведут в эпопее многие персонажи. И нелепо отказывать им — начиная с Пантелея Прокофьевича, с великой в своей материнской скорби Ильиничны или столь же великой в грешной любви, жажде отлюбить за весь свой исковерканный век Аксиньи — в высоте помыслов и чувствований, свойственной толстовским Болконским, Ростовым. Здесь — совершенно иной, не угаданный литературой XIX века тип нравственного и духовного величия.